

Ольга Глушенкова

Цикл ПРОКЛЯТЫЕ ЗЕРКАЛА

ХРОМОЙ ШАГ ЗА СПИНОЙ.
ГОЛОСА ИЗ ВОДЫ.

Ольга Глушенкова

**Хромой шаг за спиной.
Голоса из воды**

«Автор»

2026

Глушенкова О.

Хромой шаг за спиной. Голоса из воды / О. Глушенкова —
«Автор», 2026

Преподаватель истории Иван нашёл в хакасском кургане древнее бронзовое зеркало. С этого дня он перестал отражаться в нём, начал видеть нечисть и не может оставаться на одном месте дольше тридцати дней — иначе лёгкие отказывают. Теперь Иван — проклятый скиталец, который колесит по России в поисках ответов. Его единственный спутник — говорящий мопс Сократ, слишком умный для собаки и явно знающий о мире духов больше, чем говорит. Возвращение в родной Красноярск оборачивается встречей с древним злом, терзающим заповедные леса. Но настоящая угроза ждёт в Хакасии: там пробуждается сила, способная уничтожить сотни тысяч людей. У Ивана есть всего несколько недель, чтобы найти способ остановить её — и снять собственное проклятие. Чем глубже он погружается в мир старых сил, тем яснее понимает: расплата за разгадку может оказаться выше, чем он готов заплатить. И правда о его верном мопсе перевернёт всё. Первая книга цикла о путешествиях проклятого историка по мистической России.

© Глушенкова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 2 года без отражения	5
Глава 2. Запретная зона	9
Глава 3. Тук-тук, кто там?	12
Глава 4. Непринятый дар	15
Глава 5. Две недели, которых не было	18
Глава 6. Тот, кто стучит правильно	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ольга Глушенкова

Хромой шаг за спиной. Голоса из воды

Глава 1. 2 года без отражения

Трасса М54 сворачивала к Енисею, и запах тайги ворвался в салон через приоткрытое окно — хвоя, нагретая солнцем, сухая земля и чуть пригоревшая смола от недавнего лесного пожара где-то за перевалом. Июль. Жара. Иван Николаевич бросил взгляд на приборную панель: стрелка спидометра дрожала возле девяноста, а под ней, на приклеенном скотчем листке отрывного календаря, сегодняшнее число было перечёркнуто жирным крестом. Таких календарей в стопке, прихваченной резинкой, висело двенадцать. Обновлять их регулярно с некоторого времени стало для Ивана традицией. Ещё он вел учет дней в телефоне, но на бумаге было традиционной и надежней. Это было очень важно – не оставаться на одном месте больше 30 дней. Хотя по печальному опыту он знал, что лучше уезжать на 24-26 день, пока не начались симптомы...

Иван машинально потёр грудь — там, где под футболкой пряталась татуировка-оберег. Два года назад он сделал её сам – так было необходимо, по специальному ритуалу из этнографических записей. Когда проклятие только начало сжигать лёгкие, если он задерживался на месте дольше месяца, пришлось учиться выживать. Татуировки, защитные знаки мелом перед сном, амулеты на зеркале заднего вида — целый арсенал суеверий, в который он сам, преподаватель истории с научным складом ума, не верил до того самого дня.

«В Хакасии сейчас хороший сезон, тепло, можно проводить ритуалы хоть днем, хоть ночью и спать в машине в поле, — подумал Иван. — Но, черт возьми, я так соскучился по Красноярску. Заеду сюда хотя бы на три-четыре дня, они не сделают погоды»

Руль мелко вибрировал — механика, старушка красная «Киа Рио», подарок благодарной бизнесвумен из Самары, которую Иван избавил от целой армии чертей-трезвенников, поселившихся на пивном заводе и угрожавших перебить ее продукцию по всей сети. Да, то самое Жигулевское из Самары, ни какое-то там хмельное игристое. Иван не мог поставить под угрозу пивопромышленность страны и оставить без радости пятничного вечера сотни тысяч усталых работников. Поэтому с чертями он тогда смог договориться, сторговался на регулярных субботних городских пробежках. С тех пор по набережным по выходным утром бегают всякие черти, а люди спокойно отдыхают в пятницу под бокал пенного (синька и алкоголь зло, автор не одобряет).

Тогда Иван и получил старенькую Кию, которая все-таки была гораздо крепче его предыдущей машины – ВАЗ 2109, в народе – девятки, оставшейся от деда. Иван погладил шершавый пластик и переключил передачу. На пассажирском сиденье, поджав одну лапу, дремал мопс Сократ. Тяжёлое, плотное тельце вздымалось с присвистом — брахицефал есть брахицефал. Он был чрезвычайно умный и эмпатичный пес, Иван его любил. Когда они подъезжали к городу, Сократ зевнул, показав розовый язык, и шевельнул ухом. В голове Ивана отчетливо раздалось:

«Мы будем через час, если пробок не будет на Котельникова. Мало ли, вдруг опять переход подземный строят посреди поля».

— Ага, чтоб зайцев не давили на трассе.

«Хорошо зайцы бюджету обходятся – в сотни миллионов. Слушай, Ваня, а может они там золото Колчака ищут?»

Иван усмехнулся – мопс потихоньку осваивал профессиональный исторический юмор. Сократ, тем временем, продолжал:

«Только не вздумай опять заселяться в эту убитую гостиницу на окраине. Тот прошлый раз с клопами мне всю психику сломал. А я, между прочим, существо впечатлительное».

— Денег нет на «Мариотт», — буркнул Иван. — Да и кто нас туда пустит с собакой.

«Я не собака. Я — личность. Кстати, смотри, что там за пух летит, уже тополя что ли облетели?»

Иван выглянул в окно — по обочине, кружась в тёплом воздухе, плыли белые хлопья тополиного пуха. Их было так много, что местами они скапливались в сугробы, напоминая не то снег посреди лета, не то декорации к дешёвому фильму ужасов.

«Тополя, — ментально констатировал Сократ. — В суровом сибирском климате отлично растут только они — остальные деревья не выдерживают эмоциональных качелей погоды. И это настоящий ад для аллергиков. А ещё они горят как порох. Пожарные, наверное, в ужасе. Иван, я чихать хочу, соплями».

— Только не размазывай их по сиденью, умоляю.

«Поздно, я уже. И вообще, почему мы опять едем в Красноярск? Ты же говорил, что проклятие не пускает тебя в родные места особенно сурово. Везде по 30 дней, а тут уже через неделю-две как туберкулезник становишься».

Иван замолчал и задумался. Почти два года он избегал Красноярска — не потому, что проклятие запрещало возвращаться, а потому что боялся. Боялся встретить старых знакомых, бывших коллег, ту самую ученицу, которая периодически писала ему сообщения с вопросами по истории. Боялся не увидеть мать — она умерла два года назад, но её могила была здесь, на Бадалыкском кладбище. Он так и не пришёл попрощаться по-человечески. Не смог — не пустило проклятие, как раз к этому времени вышел срок.

— Надо, — сказал он наконец. — Нужно кое-что проверить. И просто... Я соскучился по природе и по Столбам. Хочу погулять здесь и немного отвлечься.

«Опять физнагрузки...» — Сократ сокрушенно вздохнул всем своим жирным тельцем.

Иван усмехнулся, потянулся к магнитоле. Только хотел включить подкаст про новые антибиотики, как лапа Сократа уже нажала на сенсорный экран, переключая на свежий выпуск «Трукрайм. Уральский маньяк». Мопс довольно причмокнул и улёгся обратно, а ведущий в колонках начал смачно пересказывать подробности расчленёнки убийцы, который действовал в Челябинске в 90-е.

— Вечно ты за своё, — покачал головой Иван.

Солнце клонилось к закату, когда «Киа» вкатилась в Красноярск. Родные улицы, панельные пятиэтажки, тополиный пух — сейчас он летел сплошной пеленой, забиваясь в решётку радиатора. Иван проехал мимо школы, где когда-то преподавал историю, и почувствовал противный укол в груди. Не сердце — проклятие. Оно всегда напоминало о себе в знакомых местах, словно проверяло на прочность: «Ну что, отдохнул? Вспомнил, кто ты есть? А теперь уезжай, пока не поздно». Он не знал точно его механизм, да и некому было объяснить. Знал только, что если провести в одном городе больше тридцати дней — начинается кашель, сначала сухой, затем с кровью. Если не уехать на сороковой — лёгкие отказывают. Он проверял на себе дважды, оба раза едва не умер. С тех пор строго следил за календарями. Месяц — максимум. Лучше меньше на случай форс-мажора.

Два года он мотался по стране — от Калининграда до Владивостока, от Архангельска до Дагестана. Зарабатывал по-разному: в осенне-весеннее время онлайн-репетиторством: в машине возил складной фон и дешёвый пиджачок для видеозвонков. Иногда подрабатывал грузчиком в портовых городах или на стройках — ему было только 30, здоровье пока позволяло, да и физкультуру он не забывал. Под вздохи Сократа каждое утро он делал зарядку — приседал, отжимался, стоял в планке. Даже если они ночевали в машине в поле. Дисциплина помогала сохранить трезвую голову и избежать сумасшествия. Иногда деньги (точнее всякие драгоценности, которые можно было обменять в ломбарде) доставались от благодарных клиен-

тов — и не всегда это были люди. Ел Иван что придётся: в придорожных гостиницах, сникерсы, газировку (новые вкусы — маленькая слабость, которую он себе позволял), гречку из котелка на газовой горелке, изредка позволял себе готовить, если снимал квартиру. Спал в дешёвых гостиницах, на заправках в машине, а иногда и в лесу под тентом — если нечисть давала покой.

Нечисть. Он научился её видеть в первую неделю после проклятия. Сначала это были тени на периферии зрения — мыши, которые ходили на двух лапах, старухи без лиц у обочин. Иван думал, что сходит с ума. Он почти дошел до психиатра, но потом силуэты стали отчетливыми и начали с ними взаимодействовать: лешие, кикиморы, духи дорог и перекрёстков. И оказалось, что часто с ними даже проще договориться, чем с некоторыми людьми.

— Мы всего на три дня, — сказал Иван сам себе и мопсу, сворачивая на парковку.

«Я слышал. Колбасу не забудь».

Гостиница называлась «Таёжная», хотя ни тайги, ни даже берёзовой рощи вокруг не было — один голый пустырь с битым кирпичом, ржавым забором и вездесущим тополиным пухом, который забивался в каждую щель. В номере на втором этаже пахло хлоркой и сигаретами. Иван скинул рюкзак, осмотрел кровать — простыни вроде чистые, но мятые. Сократ, выбравшись из переноски (он заходил в нее для приличия при заселении в гостиницу), обошёл комнату по периметру, принялся к плинтусам, затем остановился посередине коричневого коврика, поднял морду и выдал ментально, с усталой обречённостью:

«Этот ковролин старый, пыльный. И дышать тяжело — я же брахицефал. Ты бы сам тут полежал, Иван Николаевич».

— Потерпи, — Иван бросил на пол старую футболку. — Можешь на ней спать.

«Унизительно. Но колбасу я всё равно требую. И вообще, когда ты уже снимешь нормальную квартиру? Спрашиваю как друг».

Игнорируя дальнейшие претензии, Иван достал ноутбук, подключил складной фон — дешёвый зелёный экран на прищепках, без которого ученики вечно отвлекались на хаотичный фон за спиной. Доставал из рюкзака пиджачок, мятый, но чистый, накинул поверх футболки. Через десять минут должен был начаться онлайн-урок для двоих десятиклассников из Подмосковья. История России, XIX век, золотодобыча на Урале и в Сибири.

«Золото, — подумал Иван. — Вечно оно к крови ведёт».

Он включил камеру, поправил волосы — вечно лохматые кудри не лезли ни в какой гель, щетина на щеках отросла за два дня, побриться с утра он опять забыл. Глаза — голубые, бледные — смотрели на собственное отражение в экране, но и там, в пикселях, лицо казалось чужим. Или это проклятие уже научилось влиять на цифру? Он понял, что проклят, когда перестал отражаться в зеркале. Но не во всех, в конкретном, которое ждало его, завернутое в тряпку в бардачке машины. Старое бронзовое зеркало с китайскими драконами и скифскими зверями. Он не смотрел в него уже неделю — боялся. В последний раз отражение не просто отсутствовало, он увидел какую-то жуткую тень вдали. Он знал, что проклятие не снимется, пока он не вернёт артефакт на место. Но курган, где он взял находку и совершил самую серьёзную ошибку в своей жизни, был засыпан строительной дорогой ещё полтора года назад.

«Начинай урок, — ментально подбодрил Сократ, укладываясь на футболку. — А я вздремну. Если что — разбуди, когда будет колбаса. И перестань думать об этом зеркале, всё равно ничего не изменится до Хакасии».

Иван кивнул и щёлкнул кнопкой подключения.

— Добрый вечер, Денис и Алина. Тема сегодня — золотая лихорадка в Сибири. Начнём с того, что в 1890х годах на приисках...

Он говорил легко, с привычной интонацией учителя, который любит свой предмет. Но краем глаза поглядывал на прикреплённый к панели календарь — завтра нужно будет поставить очередной крест. Время не ждало. Через три дня — Хакасия. Там, где он взял зеркало, где взял взятку, где началось это бесконечное изгнание.

— ...именно поэтому артели часто убивали друг друга за самородки. Вопросы?

Вопросов не было и урок закончился. Иван вздохнул свободнее, откинулся на спинку стула, заскрипевшую пружиной. Пора было ужинать. Он порылся в рюкзаке — нашёл полбатона (вчерашнего, но ещё мягкого), палку «Докторской» колбасы, которую прихватил в супермаркете на трассе, и кусок сыра, слегка подтаявший в дороге. Отрезал ножом два толстых ломтя колбасы, сыр потоньше, сложил их на хрустящей корочке. В гостиничном номере запахло чем-то заводским и уютным — варёная колбаса пахла именно так, как он помнил из детства, без всякой копчёности, просто молочной свежестью и маслом. Он достал и масло, маленькую прямоугольную пачку.

Сократ тут же проснулся и уставился на бутерброд немигающим взглядом.

«Ты это... дай»

Иван усмехнулся, отрезал пару тонких кружков колбасы, завернул в сыр и протянул мопсу. Тот проглотил, даже не прожевав.

«Мало. Я требую добавки. Я существо внушительное, мне нужно питаться за двоих. Ну... почти».

— Ты на себя посмотри, — сказал Иван, жуя свой бутерброд. — Ты уже как бочонок. Будешь много есть — лопнешь.

«А кто тогда включает тебе трукрайм, когда ты засыпаешь? Ладно, убедил, давай ещё маленький кусочек. Малюсенький. Размером с мысль».

Иван сдался, отломил ещё горбушку с сыром. Налил в кружку заварку из термоса — чай давно остыл до тёплого, но под бутерброд был само то.

«Чай. Сладкий. А я воду пью. Потому что со мной никто не делится».

— Мопсам нельзя чай, — назидательно сказал Иван.

«А если я не только мопс?.. Ладно, давай хотя бы на кончик языка капни».

Иван закатил глаза, макнул палец в чай и поднёс к мопсу. Тот шумно облизал и чихнул.

«Фу. Слишком сладко. Не-не, я лучше колбасу».

Доев бутерброд, Иван вытер руки о штаны, снова откинулся на стул и прикрыл глаза. Завтра он пойдёт на Столбы. Просто погуляет, вспомнит детство, поставит свечку в часовне, если она ещё там. А послезавтра — Хакасия. Место, где он был проклят. Сократ во сне завозился, лизнул лапу и ментально, сквозь дрёму, выдал:

«Колбаса... И чтобы без тополиного пуха...»

Иван улыбнулся.

— Спи, чудище. Завтра будет трудный день.

Глава 2. Запретная зона

Утро выдалось солнечным и прохладным – идеальное время для лесной прогулки. Иван заварил чай, сделал несколько бутербродов с колбасой и сыром, взял сникерс, спички, моток веревки на всякий случай.

Сократ сидел на полу и нагло смотрел вверх.

«Ты меня берёшь?»

Иван вздохнул, посмотрел на мопса, потом на рюкзак.

— У меня есть выбор? — спросил он сам у себя. — Полезай. Только без твоих «я не собака, я личность». Зона заповедная, с собаками нельзя, так что как услышишь людей – из рюкзака не выглядывай.

Мопс нехотя шагнул внутрь, устроился на мягкой куртке, высунул морду наружу для обзора.

— Будешь пиццать — высажу.

«Я не пиццу. Я выражаю недовольство с достоинством. Кстати, а суть походов? Забраться повыше и скушать всё, что взял. Я прав?»

— Прав, — буркнул Иван, застёгивая рюкзак. — Бутерброды мои, так что не надейся.

«Поделишься. Ты же добрый».

Иван вышел на улицу. Гостиница «Таёжная» осталась позади — серая коробка с облупившейся штукатуркой. Он двинулся через микрорайон. Раньше здесь, на правобережье Красноярска, стояли сплошные бараки — наследие стремительной индустриализации, когда на берег Енисея съезжались рабочие со всего Союза, и их надо было быстро расселить. Часть барачных снесли ещё в восьмидесятые и построили панельки. Но кое-где остались и старые, покосившиеся дома с резными наличниками и железными печными трубами. Они напоминали о времени, когда здесь пахло углём и мазутом, а по улицам ходили будущие строители коммунизма. Теперь бараки стояли с заколоченными окнами, доживая свой век среди новостроек.

До Столбов было минут пять на машине, но Иван решил пройтись пешком.

Троп наверх было две. Одна — асфальтированная, широкая, для туристов с колясками, для служебного транспорта и просто для тех, кто хочет идти толпой. Другая — лесная, грунтовая, петляющая между соснами. Иван, не раздумывая, свернул на вторую. Он давно перестал бояться клещей — прививки, спреи, да и проклятие почему-то делало его непривлекательным для насекомых. Брезговали что ли? А в лесу хотя бы не было машин, да и людей было меньше.

Солнце пробивалось сквозь кроны. Пахло хвоей и нагретой землёй. Сократ из рюкзака комментировал:

«Город позади. Слава богу. Там даже колбасного ларька не видно».

— На Столбы идём. Это скалы такие.

«Я мопс. Моя задача — есть, спать и нажимать на кнопки магнитолы. Скалы — это твоя история».

Через полчаса они вышли на первый кордон. Здесь стояла небольшая деревянная церквушка — уютная, с зелёной крышей и нарядным крылечком. Дверь была открыта. Иван знал, что внутрь можно заходить без платков, а девушкам разрешалось быть в брюках — местные батюшки давно поняли, что в юбках по Столбам не лазают. Иван перекрестился на маковку, но заходить не стал.

Рядом с церковью, под навесом, висели мемориальные таблички. Имена тех, кто погиб на Столбах и в окрестных горах: сорвались со скал, попали под камнепад. Иван привычно останавливался, пробежал глазами знакомые фамилии. Сердце ёкнуло — новых имён прибавилось. За два года, что он не был в Красноярске, список вырос на пять или шесть строчек. «Ребята, — подумал он, — зачем вы лезете без подготовки?»

«Иван, — ментально зашипел Сократ. — Ты чего встал? Там... тянет чем-то. Нехорошим. Уходим».

Из рюкзака послышалось отчётливое чавканье. Мопс, заметив, что Иван отвлёкся, добрался до бокового кармана и уже уничтожал один из бутербродов. С хрустом, с причмокиванием — сгонял стресс.

— Ты что творишь? — Иван сунул руку в рюкзак, но было поздно. Бутерброда не существовало. Только крошки на куртке.

«Я избавился от лишнего груза. Так идти легче».

— Ах ты паразит.

«Сам ты паразит. И не ругайся у церкви».

Иван выругался про себя и зашагал дальше. Лес становился гуще. Сухостой — стволы лежат крест-накрест, кое-где на коре красноватые подтёки, будто смола кровоточит. Мопс притих, только иногда фыркал, улавливая странные запахи.

За полтора часа они дошли до Первого столба почти без остановок. Иван старался не высовываться, прятал рюкзак с мопсом за спину, когда мимо проходили редкие туристы. Нельзя привлекать внимание — собака в заповедной зоне строго запрещена. Штраф, а денег и так в обрез.

Когда скала показалась из-за сосен — массивный серый монолит, покрытый лишайниками, — Иван перевёл дух. В детстве он лазил по ней без страховки, цепляясь за шерстинки. Сейчас полезть боялся. Возраст, да и проклятие не давало лишнего риска.

Он обошёл Первый столб по тропе и увидел указатель: «Манская баба — 3 км. Тропа закрыта из-за сухостоя и опасности падения деревьев». Иван заколебался на секунду. Закрыто — значит, не ходи. Но память детства толкала вперёд — на Манской бабе он был всего раз, с отцом, лет в двенадцать. Хотелось посмотреть, та ли она ещё.

— Стой, — сказал он сам себе. — Сначала сделаем, что надо.

Иван отошёл от указателя в сторону, где под старой кривой сосной лежал плоский камень. Место было глухое, туристы сюда почти не заглядывали. Он присел на корточки, достал из рюкзака бутерброд — тот самый, с сыром, который берег на обед. Развернул салфетку, положил на камень.

— Хозяин леса, — сказал он негромко, — прими угощение. Не дай заблудиться, не дай пропасть.

«Ты что, серьёзно? — мопс вытянул шею из рюкзака. — Это же еда! А если он не придёт?»

— Это подношение. Леший или дух скал — не знаю, кто здесь главный. Но лучше задобрить, чем потом жалеть.

Иван поправил камень, чтобы бутерброд не упал, поднялся и, не оглядываясь, шагнул за оградительную ленту указателя. Было очень много сухостоя, они дошли до Манской бабы и даже забрались наверх под крики Сократа, полюбовались видами зеленого моря тайги. Солнце перевалило полдень и начало падать на западе — пора было возвращаться.

На обратном пути лес стал ещё мрачнее. Сосны росли криво, ветви тянулись книзу, словно просили о чём-то. Тишина сгустилась до звона в ушах. Иван ступал осторожно, стараясь не наступать на сухие ветки — каждый треск казался неестественно громким. Воздух сделался тяжёлым, пахло не хвоей, а сырой землёй и чем-то сладковатым, похожим на падаль где-то далеко. На стволах он заметил странные метки — не топоры, не затески туристов. Глубокие продольные царапины, словно кто-то огромный и когтистый точил когти о кору. Или водил по ней костлявой рукой. Иван поёжился. Сократ в рюкзаке замер и перестал дышать.

Трава на тропе была примятой, но не людьми — широкой полосой, будто что-то тяжёлое волочило по земле. Никаких следов обуви — только эта борозда, уходящая вглубь леса. Иван прибавил шаг, стараясь не думать о том, что именно могло оставить такую полосу. Время от

времени до Ивана доносился глухой шёпот. Теперь он был ближе, отчётливее, но слов разобрать не получалось. Язык был незнакомым, гортанным, с долгими шипящими. Мопс тихо заскулил.

И тут из-за поворота вышли двое. Мужчины лет пятидесяти в камуфляжных жилетках, с жезлами и рациями. Лесники. Лица загорелые, обветренные, глаза... Ивану на секунду показалось, что глаза у них черны — но это просто тень от козырьков.

— Здравия желаем, — сказал первый, повыше. — С собачкой гуляете, гражданин?

Иван выдохнул. Сократ втянул голову в рюкзак, но рюкзак-то был сверху открыт.

— Да, понимаю, нарушение. Но он все время в рюкзаке. Он очень боится оставаться один. Я вообще местный, историк, но последние годы в разъездах по работе.

— Местный? — второй лесник был пониже. — А документы есть?

Иван полез в карман за паспортом. Показал прописку — красноярскую, старую, ещё до проклятия.

— Иван Николаевич? — первый почесал затылок. — А я тебя помню. Ты в школе историю вёл? Моя дочь у тебя училась. Анисимова Настя.

Иван напряг память. Настя Анисимова — отличница, рыжая, любила древние цивилизации. Он кивнул с облегчением:

— Да, точно. Вы, значит, отец Насти? Приятно познакомиться. — Он пожал руку леснику. — А я вот теперь онлайн преподаю, путешествую.

— Хорошее дело, — лесник улыбнулся, но взгляд упал на рюкзак. — Но с животным всё равно нельзя. Формально — штраф.

— Может, договоримся? — осторожно спросил Иван. — Мопс старый, он в рюкзаке, не бегают.

Второй лесник хмыкнул и поднял глаза к небу:

— Гроза надвигается. Смотри, как почернело. Сейчас как хлынет — не успеешь до города добежать.

И вправду — с запада напозлали сизые тучи, быстрые, тяжёлые. Иван почувствовал запах озона. Где-то далеко грохнуло.

— Ладно, — первый лесник махнул рукой. — Идите с нами в избу, переждёте. Там и поговорим насчёт штрафа. Или не поговорим, если поведёшь себя хорошо.

«Ура! Крыша над головой! И, возможно, колбаса!» — ментально заорал Сократ.

— Спасибо, — искренне сказал Иван. — Выручили.

Лесники развернулись и зашагали по тропе в сторону, куда Иван и не думал сворачивать — вглубь леса, где из-за сухостоя не было даже намёка на тропинку. Иван заколебался на миг, но громыхнуло снова, ближе, и он пошёл следом.

Рюкзак с мопсом оттягивал плечи. Сократ тяжело дышал.

«Иван, — прошептал мопс ментально, чтобы лесники не услышали. — Лес нездоровый, шёпот странный. И эти дядьки... глаза у них какие-то... неживые, что ли?»

— Просто устали, — отрезал Иван, хотя внутри похолодел. Он и сам заметил: взгляд лесников был пустоват, словно они смотрели сквозь мир, а не на него. Словно... словно они уже не совсем здесь.

Но гроза приближалась. И выбора не было.

Они свернули в заросли ольхи, и вскоре показалась избушка — рубленая, из толстых брёвен. Печная труба дымила, хотя на улице было тепло. На крыльце стояло ведро с мутной водой, и на срубе висели мокрые тряпки.

— Заходи, Иван Николаевич, — лесник открыл дверь. — Чай пить будешь?

— Буду, — ответил Иван и перешагнул порог. Сократ притих и даже перестал жевать.

За их спинами лес шептал. А гроза становилась всё ближе.

Глава 3. Тук-тук, кто там?

Изба внутри оказалась больше, чем казалась снаружи. Посередине стояла широкая печь, побелённая известью, вдоль стен — грубые лавки и стол из нестроганных досок. В углу — железная кровать с горой одеял, на стене — календарь с видами Столбов, выцветший и порванный по краям. Пахло дымом, сушёными травами и чем-то кислым — то ли квашеной капустой, то ли старой портянкой.

— Располагайся, — сказал первый лесник, которого звали Сергеичем (как он представился по дороге). — Сейчас чайник поставлю.

Второй, молчаливый, с хитрыми глазами, по кличке Кедр, принялся нарезать хлеб и сало. Иван скинул рюкзак на лавку, Сократ тут же выскочил наружу, отряхнулся и начал обнюхивать углы.

«Пахнет... странно, — ментально прокомментировал мопс. — Вроде бы жильё, а вроде и нет. Как в музее. Или в склепе. Дядьки пахнут людьми, но очень слабо. Словно их тут давно не мыли, а они привыкли».

— Не груби, — прошептал Иван одними губами. — Они нас приютили.

«Я не грублю. Я констатирую факты».

Сергеич поставил на стол закопчённый чайник, насыпал заварки прямо в кружки — щедро, по-сибирски. Потом достал из-под лавки бутылку мутного самогона, плеснул себе и Кедру, вопросительно глянул на Ивана.

— Я пас, — сказал Иван. — Не употребляю.

— Ну как знаешь, — Сергеич крикнул, выпил, закусил салом. Кедр молча повторил.

Застучал по крыше дождь — сначала редкие капли, затем сплошная стена. Гроза приближалась, сверкнула молния, и тут же громыхнуло так, что задребезжали стёкла. Сократ вздрогнул и залез под лавку.

«Не люблю грозу, — пояснил он. — На печи безопаснее, но туда не пускают».

Иван решил не вникать в его чудачества. Чай был крепкий, горьковатый, с травами — зверобой, чабрец, что-то ещё незнакомое. Иван пил маленькими глотками, слушая, как Сергеич рассказывает о лесных делах.

— Летом хуже всего, — Сергеич понизил голос. — Лес-то сохнет, сам видишь. Сухостой — не продохнуть. А в этом году ещё и напасть какая-то. Обходчики жалуются: то ногу сломают на ровном месте, то заблудятся в трёх соснах, то в глазах двоиться начнёт. А один мужик, из новых, сказывал, что видел в сумерках бабу хромую. Она, мол, по лесу волочится, одной ногой ступает, а второй — костяшкой — по земле скребёт. И шепчет. Или не шепчет, а вытьё у неё такое...

Кедр молча кивнул, налил себе ещё самогона.

Иван нахмурился. Он вспомнил свои студенческие годы, когда писал курсовую по этнографии Приенисейского края. Столбы испокон века считались местом, где обитает Каменный Хозяин — древний дух, хранитель скал и леса. По легендам, он настолько силен, что любая мелкая нечисть обходит заповедник стороной. Лешие, кикиморы, овинники — все они боятся его гнева. Иван сам верил в это, особенно после того, как научился видеть нечисть. За два года скитаний он не встречал ни одного духа на территории Столбов — только на подступах, в городе, на трассе. Значит, Хозяин действительно держит свою землю в чистоте.

«Не может здесь водиться никакая хромоногая баба, — твёрдо решил он. — Максимум — местное суеверие, наложенное на реальные несчастные случаи. Сухостой, корни, туристы без подготовки... А гроза? Обычное дело». Он успокоил сам себя и отхлебнул чаю.

— Я, знаете, в поездках много всякого слышал, — сказал он вслух, чтобы разрядить обстановку. — Года три назад коллега из Томска рассказывал. Ехали они на вахтовке по старой

трассе, и у одного мужика каждую ночь в кузове начинала ходить «хозяйка дороги». Говорили, что видели её — женщина в рваном, вся серая, лицо не разобрать, и нога у неё как лопата — широкая, плоская. Требовала, чтобы ей угощение оставляли, иначе колёса спустит. Не верили, пока у троих машин колёса не прокололись на ровном асфальте. Гвоздей там не было, ямы — нет. А проколы — как будто коряга пробила. Стали оставлять на обочине хлеб да монетки — и тишина.

Сергеич усмехнулся в усы:

— Сказки это. Научно-технический прогресс – вот что правда.

— Может, и сказки, — пожал плечами Иван. — Но истории упорно повторяются. У хантов, например, есть дух — хромой, который в лесу пугает, и если не откупиться — уведёт душу. У кетов — дух-паразит, который живёт в больных деревьях и сосёт жизненную силу. Удивительно, как похоже на то, что вы рассказываете про вашу хромую бабу.

— Ну, вам, историкам, виднее, — Сергеич махнул рукой. — А у нас — лес. Туристы пропадают, техника глохнет. И в этом году особенно.

Дождь стих так же внезапно, как начался. Гром ушёл далеко, на восток, остались только редкие капли по крыше. За окнами потемнело — то ли ночь, то ли тучи затянули небо. Иван посмотрел на часы: половина одиннадцатого.

— Ладно, — Сергеич зевнул, потянулся. — Спать будем. Ты, Иван Николаевич, ложись на кровати, а мы на лавках. Утром проводим до города.

Кедр уже улёгся, накрывшись тулупом. В избе было очень холодно, хотя днем стояла теплая погода, а здесь было как в пещере. Сергеич погасил керосиновую лампу — свет в избе давала только печь, красноватые отсветы на стенах.

Иван не хотел спать. Он посидел ещё немного, слушая, как посапывают лесники, а потом решил выйти на улицу — отлить, заодно проверить, не прояснилось ли.

— Сократ, сиди здесь, — сказал он тихо.

«Ага, конечно. Я с тобой».

— Нет. Ты остаёшься. Мало ли, придут посторонние.

«Кто придет в лес ночью? Только нечисть. А её я чувю лучше тебя. Так что либо я с тобой, либо я тебя мысленно так забешу, что ты пожалеешь».

Иван вздохнул, но оставил мопса в избе. Вышел на крыльцо. Тучи закрыли луну и звёзды – ночь была очень темной. Иван отошёл за угол избы, справил нужду. Он мог не включать фонарик – после проклятия видел в темноте хорошо. Не как при свете, а общие очертания, которые помогали ему ориентироваться. Ветер стих, воздух стал тяжёлым, влажным, пахло гнилой листвой и чем-то сладковатым, как падаль. Он уже хотел вернуться, как вдруг услышал.

Тук... тук-тук... тук...

Сначала это был просто звук — ровно такой, какой мог бы издать человек, стучащий по камню. Затем к нему примешался второй — шаркающий, скребущий.

Тук... тук-тук... тук...

Иван замер. Что-то в это звуке было неестественным, неправильным, неуместным, и он приближался. Шарканье стало громче, словно что-то тяжёлое и костлявое перебирало по грунту. При этом рядом никого не было, никакого движения, даже ветра. Из темноты, шагах в десяти от него, донёсся шёпот. Детский, с хрипотцой, словно у старой куклы, у которой сыпается голос:

— И-ва-ан... И-ва-а-ан...

Ивана прошиб холодный пот. Он опустил взгляд на землю, в нескольких шагах от него появился отпечаток. Одна ступня, женская, босая, неестественно вывернутая. А рядом — длинная борозда, словно волочили палку. Или кость. В борозде Иван разглядел мелкие белые осколки, как он разбитого фарфора. Присел, ощупал – нет, это были костяные крошки.

Шёпот повторился, теперь почти у самого уха:

— И-ва-ан...

Иван рванул к избе, не помня себя. На крыльце он споткнулся, ушиб колено, но влетел в сени, захлопнул дверь и задвинул щеколду. Сократ уже скулил и царапал лапами пол.

— Тише, тише, — прохрипел Иван, хватая мопса на руки. Тот мелко дрожал.

«Чужая, — ментально выдавил Сократ. — Не наша. Злая. Она здесь давно. Она знает твоё имя. Я чую её, ещё днём чуял. Но теперь она близко».

Иван оглянулся на лесников — те спали, не шелохнулись, слишком крепко. Он подошёл, тронул Сергеича за плечо — тот не проснулся. Дышал ровно, но глаза под веками быстро двигались. Иван поставил Сократа на пол, взял кусок мела и обвёл кровать широким кругом, нарисовав внутри защитные символы. Лёг, прижав мопса к себе. Он слышал только дыхание спящих лесников и — едва различимо — шарканье за окном и все тот же стук:

Тук... тук-тук... тук...

Оно кружило вокруг избы, то приближаясь, то удаляясь. Иногда останавливалось прямо под окном и стучало по стеклу:

Тук... тук-тук... тук...

— Не бойся, — прошептал Иван в макушку Сократа. — Знаки держат.

«Я и не боюсь. Я злюсь. Какая-то пакость лесу, пугает нас, стучит и спать не дает. Завтра с ней разберёмся, да?».

Глаза слипались, несмотря на страх. Иван провалился в сон, а последнее, что услышал, было далёкое:

Тук... тук-тук...

И тишина.

Глава 4. Непринятый дар

Иван проснулся от тишины. Не было ни шарканья за окном, ни храпа лесников, ни стука. Он открыл глаза: печь остыла, в избе стоял серый утренний свет, пробивающийся сквозь занавески. Комната была пуста. Иван сел, пощупал рукой — Сократ ещё спал, свернувшись калачиком на подушке.

— Вставай, — прошептал Иван, потряс мопса за холку. — Лесники ушли, наверное.

«Дай поспать. Я ночью караулил. Пять минут...»

— Нет. Чайник горячий ещё, значит, недавно встали.

Иван натянул штаны, подошёл к столу. Действительно, заварной чайник был тёплым, на столе стояли кружки — две чистые и одна недопитая. Лесников нигде не было. Только их запах ещё держался в воздухе — табак, хвоя, немного самогона.

«Ушли на обход, — лениво прокомментировал Сократ, свешивая лапы с кровати. — Ну и ладно. Завтракать будем? Стука вроде не слышно. Чем бы это не было, но сейчас я не чувствую его присутствия»

— Сначала проверю подношение. Оно недалеко отсюда, я помню.

Он сунул мопса в рюкзак, вышел на крыльцо. Солнце уже поднялось над верхушками сосен, но лес казался неприветливым — влажным, пасмурным, воздух был тяжелее обычного. Иван зашагал к тому месту — под старой кривой сосной у тропы на Манскую бабу. Идти было минут пятнадцать.

Когда он свернул к камню, сердце ёкнуло. Бутерброд лежал на том же месте, но он был чёрным. Не заплесневелым — именно чёрным, будто обуглившимся, и в то же время мягким, как гниль. Иван присел на корточки, не решаясь коснуться. Пахло от подношения не хлебом — прелью и чем-то сладковатым, похожим на падаль.

Иван выпрямился и оглядел стволы вокруг. Те самые красные подтёки, которые он принял за смолу, сегодня выглядели иначе. Они были глубже, ярче, и некоторые из них начинали от стволов тянуться к земле длинными, тонкими полосами, похожими на пальцы. Или на когтистые лапы. На одном из деревьев — старом, сухом, с ободранной корой — он заметил отчётливый след маленькой ступни на высоте пояса и рядом глубокую царапину, будто кто-то провёл костью по стволу.

— Уходим, — сказал Иван, сглотнув.

«Наконец-то разумная мысль».

Они вернулись в избу. Лесников по-прежнему не было. Иван быстро собрал рюкзак, сунул остатки колбасы и хлеба в карман, вышел и зашагал к тропе, ведущей в город. Лес провозжал его тишиной. Ни птиц, ни ветра. Только собственные шаги хрустели по сухой листве. Иван старался не смотреть по сторонам, но краем глаза замечал те же кровавые полосы на стволах, те же отпечатки босых ступней в грязи. Он ускорился, почти побежал, когда из чащи донёсся знакомый шёпот — далёкий, неразборчивый, как вчера.

— Не оборачивайся, — прошептал он самому себе. — Просто иди.

«Я не оборачиваюсь, — Сократ подумал, что он это ему — У меня нет шеи. Я мопс».

Через час они были у гостиницы «Таёжная». Иван открыл дверь номера, скинул рюкзак на пол и рухнул на кровать. Руки дрожали. Он заставил себя успокоиться, продышался.

— Надо уезжать, — сказал он. — Хакасия ждёт.

«А лесники? — спросил Сократ. — Ты их так и бросишь?»

— Какие лесники? Они ушли на работу. С ними всё в порядке.

«А следы? А хлеб? А шёпот?»

— Всё объяснимо. Сухостой, грибок, галлюцинации от усталости. Я два года не был в этих местах — вот нервы и сдают.

Он говорил это, но сам не верил ни одному слову. В гостинице Иван провёл остаток дня за ноутбуком. Он дал два онлайн-урока, проверил домашние задания, разобрал с учениками вопросы по Первой мировой, получил деньги на счет. Голос звучал ровно, только иногда прерывался на сухой кашель. Проклятие ненавязчиво напоминало о себе.

Под вечер он заказал еду в номер — гречку с котлетой, колбасу для Сократа. Мопс тем временем устроился в единственном продавленном кресле. Он сидел на толстом мягком сиденье, свесив одну лапу вниз, а спиной откинувшись на спинку — совсем по-человечески. Передние лапы лежали на подлокотниках. Морда была повёрнута к телевизору, который он включил сам, нажав кнопку на пульте носом. Иван пытался читать этнографические статьи про сибирских духов на ноутбуке, но Сократ комментировал каждую новость:

«...Опять дороги перекрыли. А моги бы и не перекрывать, если бы духи не шалили. Смотри, какая тётя ведущая — волосы синие. Это что, новая мода?»

— Сократ, тихо.

«А вот передача про собак. Ой, нет, это про кошек. Переключаю». Лапа нажала кнопку, телевизор перескочил на канал с сериалом. «О, любовь. Ненавижу любовь. Только колбаса настоящая».

— Дай почитать!

«Ты читай, читай. А я буду смотреть. Мне твое чтение не мешает, не мешает».

Иван вздохнул. Мопс переключил на криминальную хронику, где диктор зачитывал сводку происшествий за неделю.

В дверь постучали. Иван открыл — девушка с подносом, в униформе гостиницы. Она увидела Сократа, сидящего в кресле как человек, и замерла.

— Ой, какой хороший! — она поставила поднос на стол. — Он у вас совсем как человек сидит. Можно погладить?

— Валяйте, — буркнул Иван.

Девушка потрепала мопса за ухо. Сократ притворно зажмурился, но в голове Ивана раздалось: «Еда пришла. Котлета, гречка. И колбаса! Она пахнет. Живительная сила».

— Спасибо, — Иван проводил девушку, закрыл дверь. — Ты хоть штаны надень в следующий раз, когда в кресле сидишь. Не стыдно перед девушкой?

«Очень смешно, я и без штанов прекрасен. Давай есть».

Покормив мопса и утолив собственный голод, Иван снова сел за ноутбук, но краем уха слушал новости. Сократ переключил на главный канал.

И вдруг ведущая сказала:

— ...прекращены поиски двух лесников, пропавших на заповедных Столбах. Как сообщили в МЧС, мужчины ушли на обход 14 дней назад и не вернулись. Поиски результатов не дали. На экране — фотографии пропавших.

Иван поднял голову. На экране улыбались Сергеич и Кедр. Те самые, кто вчера поил его чаем в избе. Они с Сократом так и замерли.

— Этого не может быть, — прошептал Иван.

«Может. Я же говорил: они пахли не как живые».

Иван сидел, глядя на застывшее фото. В голове билась одна мысль: он пил чай с мертвецами. Или с теми, кто застрял между жизнью и смертью. Или с призраками, которые не знали, что уже не существуют. А в лесу ходила какая-то хромая ерунда, которой там в принципе не должно было быть.

— Завтра, — сказал он, не оборачиваясь к мопсу. — Завтра я иду обратно в лес. И проведу ритуал вызова Каменного Хозяина. Если здесь есть древний дух, он должен знать, что происходит.

«Опять ритуал? — мопс вздохнул всей мордой. — Будешь стучать по скалам? В прошлый раз ты три часа искал нужный камень».

— Найду быстрее.

«А если Хозяин не захочет говорить?»

— Захочет. Или лес сгниёт целиком. Это и его территория.

«Ладно. Только возьми меня с собой. А то без меня ты точно камень не тот выберешь».

Иван достал телефон, набрал сообщение бывшей ученице: «Лена, привет. У тебя есть знакомые в лесничестве? Нужна информация по Столбам — там что-то неладное творится». Отправил. Сократ тем временем снова уселся в кресло, свесив лапу, и уставился в экран, где повторяли новости. А Иван смотрел на календарь, где завтрашняя дата была ещё чистой, и думал о том, сколько дней осталось у него самого.

Глава 5. Две недели, которых не было

Телевизор всё ещё бормотал новости, когда Иван нажал на пульте кнопку выключения. Тишина ударила по ушам. Сократ спрыгнул с кресла, потянулся, хрустнув позвоночником, и усталился на хозяина.

«Ты чего такой мрачный? Думаешь, это мы виноваты?»

— Нет, — ответил Иван. — Думаю, что мы вляпались.

Он достал из рюкзака толстую тетрадь в клеёночной обложке — полевой дневник, который вёз с собой ещё со студенческих времён. Потёртые страницы, пометки на полях, схемы ритуалов, выписки из этнографических сборников. Он полистал раздел «Красноярский край. Столбы», нашёл записи про Каменного Хозяина. Там было негусто: древний дух, обитает в скалах, подношения — хлеб, монеты, иногда табак. Вызов — на рассвете, у подножия большой скалы, с тремя камнями из разных мест.

«Ты серьёзно собрался вызывать этого... каменного? — Сократ запрыгнул обратно в кресло, устроился по-человечески, свесив лапу. — Он же тебя раздавит».

— Не раздавит, если ритуал правильный.

«А если нет?»

Иван отложил тетрадь, потёр лицо ладонями — щетина колола пальцы, но бриться не хотелось — последний станок затупился, а купить новый он забыл. Поднялся и ушёл в ванную, умылся холодной водой, посмотрел в зеркало над раковиной: усталое лицо с мешками под глазами, голубые глаза слезятся от усталости, но отражение нормальное — человеческое, живое. Зеркала и вода отражали его как положено. Но надолго ли?

Только вот древнее зеркало в бардачке машины — нет.

Он вдруг вспомнил, как всё началось. Не с Хакасии даже — раньше.

Четыре года назад Иван работал учителем истории в красноярской школе. Зарплата была крошечной, квартира съёмной, а мать — пенсионерка с больным сердцем — жила одна в соседнем районе. Ей нужна была сиделка, а лучше — платная палата в хорошей клинике. Денег не хватало. Иван подрабатывал где мог: ночные проверки тестов, репетиторство, даже месяц грузчиком на стройке.

Потом знакомый из университета предложил работу в фирме, которая делала археологические экспертизы для строительства. Нужны были люди с полевым опытом. Иван согласился. Выезды на объекты, раскопы, отчёты — честная работа. Платили неплохо. Он экономил каждую копейку, откладывая на мамину клинику. Даже получалось совмещать это с работой в школе.

А потом был заказ в Хакасии — планировалось строительство дороги для подъезда к новому горнодобывающему производству местного олигарха. Проблема была в том, что самая удобная и соответственно дешёвая дорога должна была проходить через древний курган. Соответственно требовалась историческая экспертиза перед началом строительства. Иван приехал на объект. Место было красивым: степь, холмы, вдалеке синели горы. Такие курганы обычно разграбляли ещё в древности или в XIX веке, когда за золотом охотились «бугровщики». Иван не надеялся найти что-то ценное, но работа есть работа.

Он начал раскопки и уже через два дня понял, что курган нетронут. Снимал слой за слоем, делал фотофиксацию. Внутри оказалась каменная кладка — небольшое прямоугольное сооружение, сложенное из плитняка. Внутри — кости человека, уложенного на спину, головой на запад. Вокруг лежали стандартные для хакасских погребений вещи: бронзовые котлы, железные ножи, кости жертвенных животных. Иван всё фиксировал, описывал, готовил к изъятию.

А на груди скелета, поверх рёбер, лежало зеркало. Бронзовое, с одной стороны китайские облака и драконы, с другой — скифо-сибирские звери. Работа тонкая, явно не местная, очень старая и очень красивая. Такие вещи не могли оказаться в хакасском кургане случайно — значит, был контакт, обмен, возможно, посольство. Иван понимал: это открытие, нужны эксперты, анализы, публикация.

Он позвонил в офис, доложил. Через час приехал начальник стройки — плотный мужчина в дорогом костюме, с неприятным взглядом. Увидел зеркало и кости и сразу заговорил о деньгах: «Иван Николаевич, нам дорога нужна, а не ваши древности. Если вы поднимете шум — стройку остановят на годы. Вы подпишете акт, что никакой ценности нет, артефакты стандартные и будут переданы в музей. За это получите хорошие деньги». Иван понимал, что это не так, что это важное открытие и необходимо длительное комплексное исследование, государственное финансирование, он начал объяснять это и отказываться. Начальник стал угрожать: «У вас же мать больна? И как вы думаете, кто потом проверит, всё ли честно на предыдущих объектах? Вы человек новый, можете и работу потерять. А можете и что-то еще. Вы знаете, с кем мы имеем дело и в чьих интересах будет эта дорога и предприятие?».

Иван испугался. Он понимал, что это неправильно, что зеркало — уникальная находка, требующая исследований, как и весь курган. Но шумиха могла стоять ему всего. Он боялся остаться без работы, боялся, что мать не получит лечение, что это очень серьезные люди, и им не составит труда заткнуть его.

Начальник, поняв, что напугал его как следует, сменил тон: «Давайте так. Вы напишете отчёт, что все артефакты переданы в музей в Абакане — мы проследим за этим, не беспокойтесь. А зеркало... забирайте себе, мне не жалко. И вот вам конверт. Там столько, сколько вы не заработаете за год». Иван смотрел на конверт, на зеркало, на кости шамана. Выбрал конверт.

Он подписал документы, скрыл настоящие размеры находки, а зеркало сунул в рюкзак. Вечером в гостинице впервые посмотрел в него и не увидел своего лица. Только серую пустоту и чужую тень за спиной. Испугался тогда очень, но убедил себя, что показалось. А через две недели начал слышать шёпот на пустых улицах. А ещё через месяц — кашель, если оставался на месте дольше тридцати дней. При пересечении границы региона кашель утихал, и ему пришлось отправиться в вечную дорогу. Матери не стало через полгода, в клинике, под уходом. Он тогда был не в городе и не мог приехать — проклятие не позволило бы.

Иван вышел из ванной, тряхнул головой, прогоняя воспоминания. Сократ смотрел на него с подозрением.

«Ты сейчас что-то вспоминал — я по запаху понял. Горечь, страх, много сожалений».

— Всё нормально, — ответил Иван. — Просто старая история.

Он взял ключи от машины, вышел на парковку. Открыл бардачок, достал зеркало — тяжёлое, холодное, бронза тускло поблёскивала в свете фонаря. Иван поднёс его к лицу.

Пустота. Ни глаз, ни носа, ни щетины. Только серая муть, и иногда в глубине мелькало что-то похожее на силуэт — или ему просто чудилось.

— Ничего не изменилось, — сказал он вслух.

«Ты и не надеялся, — ментально отозвался Сократ. — Проклятие не снимется, пока зеркало не вернётся в курган. А курган засыпан».

— Знаю, — Иван спрятал зеркало обратно. — Поэтому сначала разберусь со Столбами, а потом поеду в Хакасию. Должен быть другой выход.

Он вернулся в номер, налил себе чаю. Сократ снова уселся в кресло и принялся переключать каналы, остановившись на передаче про собак-спасателей.

«Смотри, работают. А я вот спасаю тебя от глупости каждый день. И меня не благодарят, пенсионные отчисления не капают. Только колбасу иногда дают».

— Завтра дам колбасу.

«Завтра — это обещание. Я хочу сегодня».

Иван молча отрезал кусок и бросил мопсу — тот поймал на лету.

В дверь постучали. Девушка из гостиницы, та же, что приносила ужин, заглянула в номер: — Извините, я забыла спросить: вам полотенца поменять? И ещё... ваш мопс такой забавный. Он правда сидит в кресле по-человечески?

— Правда, — усмехнулся Иван. — Иногда мне кажется, что он умнее меня.

«Часто, — поправил Сократ. — Не иногда, а часто».

Девушка улыбнулась, махнула рукой и ушла. Иван закрыл дверь и выдохнул.

Телефон пиликнул — сообщение от Лены. Иван открыл: «Иван Николаевич, привет! Я навела справки про лесников. Они пропали, и это очень странно — оба опытные, знают Столбы как свои пять пальцев. В лесничестве говорят, что в последнее время люди часто спотыкаются на ровном месте, срываются со скал без причины. Часто теряются, а потом жалуются на шаги и шёпот, но никто не придаёт значения — чего только не померещится со страху. Может, вы что-то знаете, не просто так же спросили? Кстати, вы надолго в Красноярск? Я бы очень хотела увидеться, много вопросов по диплому. И ещё... Я соскучилась по вам».

Иван чуть поморщился. Встретаться с бывшей ученицей сейчас — не лучшая идея. Слишком много вопросов, слишком мало ответов. А еще — он испытывал к ней симпатию, возможно, даже большую, чем полагается преподавателю. Но Иван не мог позволить себе привязанности сейчас, когда над ним висело проклятие. Какой смысл вступать в отношения (а он как серьезный человек не мог пойти на простую интрижку), если ты обречен как цыган скитаться по России?

Он быстро набрал: «Лена, спасибо за информацию. Очень помогла. Я здесь недолго, дела, потом сразу в дорогу. Про диплом давай спишемся на следующей неделе, хорошо?» Отправил. Сразу отложил телефон.

Сократ покосился на него из кресла: «Врёшь и не краснеешь. Прямо уж у тебя же ни одной свободной минуты не будет».

— Заткнись, — беззлобно ответил Иван.

Он снова взял тетрадь, перечитал описание ритуала. Три камня: один — от подножия скалы, второй — из сухого русла реки, третий — с перекрёстка дорог. Идти на рассвете, пока солнце не коснулось вершины, и тексты заговора.

Сократ уже дремал в кресле, поджав лапу. Иван накрыл его пледом, сам лёг на кровать, но не спал. Он думал о том, как незаметно пройти к скалам, какие взять камни, как провести ритуал, чтобы никто не помешал. И о том, что если Каменный Хозяин не ответит, то он останется один против того, что бродило по лесу. Кашель напомнил о себе — сухой, тяжёлый, выворачивающий лёгкие. Иван прижал ко рту платок. Крови не было, но время истекало. Проклятие не прощало лишних дней, а в родном месте оно проявлялось особенно сильно.

Он закрыл глаза и заставил себя уснуть. Завтра предстоял долгий день.

«Спи, двуногий, — прошептал мопс ментально, даже не открывая глаз. — Завтра твоя очередь стучать по камням».

Глава 6. Тот, кто стучит правильно

Иван проснулся затемно — за окном солнце ещё не встало, только фонари гостиницы отбрасывали жёлтые пятна на мокрый асфальт. Ночью прошёл дождь, и воздух за окнами пах озоном и мокрой листвой. Сократ уже не спал — сидел на подоконнике и смотрел на улицу.

«Ты уверен, что хочешь этого? — спросил он без обычной ворчливости. — В прошлый раз ты стучал по скалам три часа. И это было в хорошем месте, а не в чужом лесу».

— Уверен, — ответил Иван, застёгивая рюкзак. — Лесники пропали, люди спотыкаются на ровном месте, слышат шёпот. Каменный Хозяин молчит — значит, нужно его разбудить. Может, он объяснит, что творится.

Он проверил карманы: три камня (один от подножия скалы, который он подобрал ещё в первый день, второй из сухого русла реки, что течёт у подножия Столбов, третий с перекрёстка дорог, где сворачивают к заповеднику). Мел для защитных знаков, фонарик — если вдруг глаза подведут, бутылка воды, бутерброды. Для мопса — кусок колбасы, чтобы не ныл. Перед выходом он сунул во внутренний карман куртки древнее зеркало — то самое, из Хакасии. Вдруг получится спросить про него у Каменного хозяина, если он будет в благом расположении духа.

«А я?» — спросил Сократ, спрыгивая с подоконника.

— Ты в рюкзаке будешь сидеть тихо и не высовываться. Если дух увидит собаку — может не прийти.

«Я не собака. Я — личность. Но ладно, ради колбасы потерплю».

Они вышли из гостиницы, когда небо на востоке только начало светлеть — серой полосой, разрезавшей чёрное небо. Иван зашагал к лесу, к той части заповедника, куда редко заходят туристы. Никаких троп здесь не было — только старые звериные следы, заросшие травой и кустарником, да густой лес, сквозь который едва пробивался свет. Иван достал компас — скала, которую он выбрал по старым записям, лежала строго на юго-запад. Он двинулся в ту сторону, продираясь сквозь кусты и переступая через упавшие стволы. Лес встретил его тишиной. Ни птиц, ни ветра, ни обычного утреннего шума. Только собственное дыхание и тяжёлый рюкзак за спиной. Сократ молчал у него в голове, и это было тревожнее всего.

А ещё — ощущение, что за ним кто-то идёт. Иван дважды резко оборачивался, но за спиной были только деревья, кусты и серая предрассветная мгла. Никого. И всё же мурашки бежали по коже, и он невольно ускорял шаг.

Первые полчаса Иван шёл бодро, то и дело сверяясь с компасом. Но потом началось странное. Он вышел на небольшой холмик, спустился в низину — и увидел перед собой раздвоенную сосну. Два ствола росли из одного корня, расходясь в стороны, как растопыренные пальцы. Иван обошёл её слева и продолжил путь. Через пятнадцать минут он снова взойшел на холмик и вышел к раздвоенной сосне. Той же самой — он узнал нарост на коре, похожий на рожу. «Обойду справа», — решил Иван и свернул в другую сторону. За спиной он слышал шаги, которые замолкали, стоило ему оглянуться.

Ещё через десять минут сосна стояла перед ним, как ни в чём не бывало. Третий раз. Иван остановился, вытер пот со лба. Сердце колотилось. Вокруг было тихо, но казалось, что кто-то невидимый водит его по кругу. И снова — шаги за спиной. Он резко обернулся — пусто.

«Ты заметил? — ментально спросил Сократ. — Мы ходим по одному месту. И там, сзади, что-то есть. Оно надвигается. Я чувствую».

— Знаю, — прошептал Иван. — Сейчас.

Он взял палку и нарисовал на земле круг с защитным знаком. Встал в центр круга, прикрыл глаза и зашептал защитный заговор — короткий, резкий, на древнем наречии. Несколько секунд ничего не происходило. Потом подул ветер — тёплый, сухой, нездешний. Он разо-

гнал предрассветную мглу, и в просвете между стволами Иван увидел направление, которого раньше не замечал. Шаги за спиной стихли. Сократ перестал скулить.

— Пошли, — сказал Иван и шагнул в ту сторону. Больше он не сбивался.

Через час ходьбы скала показалась из-за сосен. Это был не самый знаменитый монолит — о нём не писали в туристических проспектах, к нему не вели асфальтированные дорожки. Просто огромный каменный выступ, поросший мхом и лишайниками, стоявший в глухом лесу в стороне от любой тропы. Место было безлюдным — ни людей, ни следов костров, ни мусора. Только камни и деревья. Это было то, что нужно для спокойного проведения ритуала без случайных свидетелей — ранних туристов.

Иван сбросил рюкзак у подножия, достал Сократа.

— Сиди здесь, — сказал он. — И не высовывайся.

«А если тебя раздавит?»

— Тогда колбасу доешь сам. Можешь кусочек меня прихватить, я как раз буду в фарш, даже твои зубы осилят.

Сократ только возмущенно хмыкнул и спрятался за пень. Иван взял три камня, подошёл к скале. Она была холодной, шершавой, покрытой мелкими трещинами. Он положил камни у основания, прижал ладонь к камню и начал читать — шёпотом, на древнем наречии, которое сам уже плохо помнил, но выучил наизусть по этнографическим дневникам. Потом простучал по скалам особым образом — в нужном ритме. Так он повторил призыв трижды, но камень под ладонью оставался холодным. Иван уже хотел остановиться, когда почувствовал вибрацию — едва заметную, как при землетрясении. Глухой гул раздался изнутри скалы, и на гладкой поверхности начали расходиться трещины. Не хаотично — они складывались в узоры, похожие на древние письмена, которых Иван не знал, но которые, казалось, были здесь всегда, даже до того, как появились люди.

Из трещин вырвалась искристая пыль — мелкая, белая, холодная. Она закружилась в воздухе, и прямо из неё зазвучал голос. Шершавый, как наждак, с долгими паузами между словами. Он не шёл из конкретной точки — он заполнял всё пространство вокруг, заставлял воздух дрожать.

«Ты... стучал. Я услышал. Редко кто стучит правильно».

Иван сглотнул. Голос заполнял голову, отдавался в рёбрах. Почти как с Сократом, но давалось это гораздо труднее физически, хотя в нём не было ни злобы, ни доброты. Только бесконечная древность, каменная память о том, как ледники ползли по этой земле, как вырастали горы, как текли реки, которых больше нет. Человек для этого голоса был — секунда. Одно короткое движение века.

Иван собрался с духом и произнёс, стараясь говорить ровно и торжественно:

— Хозяин скал и корней, древний, вечно спящий в камне. Я пришёл спросить тебя о судьбе двух лесников, что исчезли в твоих владениях. Их ищут уже четырнадцать дней, но не находят. А ещё я спрашиваю о том, что заставляет людей спотыкаться на ровном месте и слышать шёпот в тишине. Что происходит в твоём лесу?

«Пришла чужая. Я не знаю её имени. Она из мяса и злобы. Её принесли с собой люди — со своей жадностью, со своей алчностью. Ею питается. А когда возникали эти скалы, ничего этого не было. Я не вижу её — она чужая. Но чувствую, как паразита на теле».

— У нее должно быть гнездо, как мне найти её? Только скажи, и я справлюсь с ней.

«Старый пень в овраге, где осыпаются камни. Там она прячется. Найдёшь — сожжёшь. Тогда она ослабнет».

Иван почувствовал, как в голову вливается образ: заросший овраг, сухие корни, старый трухлявый пень в самом низу. Он знал это место.

— А лесники? Они живы?

«Живы. Пока. Но у тебя мало времени. Скоро они умрут, и чужая станет сильнее».

Иван помолчал, собираясь с мыслями, и спросил то, что мучило его всё это время:

— Ещё одно. Моё проклятие. Зеркало, которое я взял в Хакасии. Я не отражаюсь в нём. Это зеркало меня прокляло?

Пыль замерла на секунду. Голос зазвучал глубже, почти печально:

«Не зеркало. Ты сам себя проклял. Ты не отражаешься, потому что тебя уже нет до конца. Ты сам немного на этой стороне. Дело не в зеркале, Иван. Оно лишь показывает то, что стало с тобой. Ты стал видеть нечисть, потому что сам стал почти как они. Но ещё не перешёл. Поэтому ты можешь вернуться, если найдёшь путь».

— Какой путь?

«Сначала разберись с чужой. Потом приходи снова. Я подскажу дорогу. Если ты достоин».

В этот момент Сократ, который до сих пор сидел тихо за пнём, вдруг громко чихнул. Искристая пыль метнулась в его сторону, и голос Каменного Хозяина изменился — в нём появилось не то удивление, не то любопытство и даже какая-то доброжелательность. Такая, какая может появиться у камня, заметившего необычную трещину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.